

АЛЕКСЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ МЕЛЬНОВкандидат исторических наук, ученый секретарь, Выборгский объединенный музей-заповедник (Выборг, Российская Федерация)
*alexmelnov@yandex.ru***СЕВЕРНАЯ ВОЙНА В СЕВЕРНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ (1700–1710):
ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ И МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ**

Целью статьи является исследование взаимоотношений местного населения Северного Приладожья со шведскими и российскими войсками в начальный период Великой Северной войны (1700–1710). Научная новизна заключается в том, что это первая работа, написанная на основе комплексного анализа российской, финской и шведской историографии с применением микроисторического подхода. Помимо описания малоизвестных эпизодов военной истории, рассматривается проблема взаимоотношения шведской и русской армий с неоднородным по религиозному составу местным населением. Прослежена связь между уничтожением шведской армией Кондушского шанца в сентябре 1704 года и ответным рейдом П. М. Апраксина в Сортавала в феврале 1705 года. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов дается обзор морских походов русской армии на северное побережье Ладожского озера в 1707–1708 годах. Массовая миграция населения в начале войны и религиозные конфликты стали причиной опустошения территории. И православное, и лютеранское население края оказалось заложником политического конфликта. Однако после перехода Кексгольмского лена под русское военное управление большая часть местного населения предпочла остаться при своих домах.

Ключевые слова: Северная война, Северное Приладожье, Сортавала, Салми, Кондушский шанец, малая война, Карелия в XVIII веке

Началу Великой Северной войны в Ингерманландии и Карелии предшествовали события 1696–1698 годов, известные в финской историографии как «великий голод». Именно на этот исторический период пришелся минимум солнечной активности, который привел к глобальному похолоданию. Экстремальные климатические явления отмечались по всей Европе, но на территории Шведского королевства похолодание стало причиной социально-экономической катастрофы [8: 29–34], [21: 123–128]. В протокольных книгах суда Ингерманландского и Кексгольмского ленов за 1697–1699 годы нашли свое отражение бедность и голод, вызванные масштабным неурожаем. Люди умирали от голода, поля оставались незасеянными, нищие в Ингерманландии и Финляндии бродили по деревням, значительно возросли хищения, особенно еды и зерна. Ряд финских историков сходятся во мнении, что в голодные годы страна потеряла от 25 до 35 % населения¹ [18], [22: 294]. По данным налоговых переписей за 1696 год, проанализированных финским историком Р. Ранта, в Северном Приладожье больше всего разорившихся дворов приходилось на приходы Пялькярви, Суйстамо, Импилахти, немногим меньше в Яаккима и Куркиеки [24: 226]. Неурожай и голод зафиксированы архивными документами Олонецкой Карелии². Бедственные условия существования вынуждали население Северного Приладожья мигрировать

как на запад, вглубь страны, так и на восток – в Россию. Забив скот и оставив дома, крестьяне уходили в Олонецкий уезд. На границах Шведского королевства были поставлены усиленные караулы, однако эта мера не помогла сдержать массовую миграцию [1], [2: 88]. Обнищавшее и голодное население не ограничивалось бегством. Одновременно участились случаи неповиновения и угроз в адрес чиновников местной администрации. Сборщиков налогов в деревнях встречали группы вооруженных крестьян [20: 335].

В Кексгольмском лене открытие военных действий в 1700 году осложнялось конфликтом переселенцев лютеранского вероисповедания с коренными жителями – православными карелами. Притеснение православного населения после 1617 года привело к тому, что, например, в Кроноборгском погосте³ в 1696 году соотношение плативших налог хозяев было следующим: 52 православных мужчины и 1076 мужчин лютеранского вероисповедания⁴ [10: 87–89], [17: 156]. Вести о нападении русской армии на шведскую крепость Нарва, которые пришли в край осенью 1700 года, стали причиной обострения и без того непростой ситуации. Бюргеры города Сортавала были готовы бежать из города при получении вестей о выдвигении русских войск в наступление. Имущество готовили к эвакуации и грузили на корабли. Когда местный православный священник Исидор Сефронов начал готовить церковную

утварь и колокола к эвакуации, то получил официальный запрет от магистрата [26: 58]. Часть имущества бюргеров (соль и другие товары) погрузили на лодки и пытались увезти в Кексгольм, однако эвакуация закончилась кораблекрушением [24: 234].

В сентябре 1700 года конфликт между жителями лютеранского и православного вероисповедания обострился до такой степени, что православные карелы Салминского погоста массово ушли за рубеж со своим скотом. Миграция усилилась в последние месяцы и распространилась на погосты Суоярви и Суйстамо. По словам православного vicария Федора Романова, «русские семьи» погоста Суйстамо бежали от своих соседей на русскую сторону в Тулодозерский погост и пережидали там, пока ситуация не улучшится [24: 231].

В ноябре 1700 года гарнизон Олонца получил сведения от бежавших из Кексгольмского лена православных крестьян о стоявшем близ границы отряде численностью 1500 человек, который собирался в поход за рубеж [14: 89]. Вскоре последовал превентивный русский рейд в приграничный погост Салми. Согласно шведским источникам, отряд «калмыков и казаков» 25 ноября вышел из Кондушской заставы в Салми, разорив по дороге деревни Мансила⁵ и Виртеля (не сохр.). Капитан пограничного отряда Реформэ и арендатор капитан Кристиан Сало были уведены в плен. Среди проводников русского отряда были замечены четыре «русских жителя» деревни Мийнала⁶ [23: 122–123]. В ответ на этот поход из Сортавала был отправлен отряд Антти Тукканена, набранный из жителей города и выходцев прихода Суйстамо численностью 74 человека. Вопреки распоряжению бургомистра Кроока, ополченцы вели себя на шведской земле как во вражеском краю: уводили скот и отбирали имущество салминцев [26: 58]. В ответ на выдвинутые обвинения в грабеже А. Тукканен назвал виновником Пеку Хювёнена и его сына Пааво, которые грабили «русских» [23: 123].

Большинство ушедших в Олонец православных семей вернулись домой в первые же годы войны, однако конфликт между православным населением и шведской администрацией так и не был исчерпан. Кафедра Выборгского епископства весной 1701 года обвинила православных жителей пограничной Карелии в сговоре с врагом, поскольку они якобы направляли вражеские партии на дома своих соседей лютеранского вероисповедания [24: 231]. Неоднозначность взаимоотношений православного населения бывшего Корельского уезда со шведской администрацией и русской армией прослеживается на примере известного в отечественной историографии похода «попа Окулова» в декабре 1702 года [2: 24–25]. Иван Окулов, принадлежавший к православному

духовенству Кексгольмского лена, прибыл в Россию с волной беженцев в 1700–1701 годах⁷.

В Карелии основной формой военных действий в ходе Северной войны была так называемая «малая война», которую вели небольшие отряды («партии») с целью сбора информации о противнике и диверсионной деятельности во вражеском тылу. В ходе рейдов «партий» не только уничтожались источники снабжения вражеской армии и прерывались коммуникации, но и наносился урон гражданскому населению [6: 56–71]. Выбор этой формы ведения военных действий в Карелии обуславливался географическими предпосылками, такими, как непригодный для полевых батальонов ландшафт, а также суровые климатические условия. Кроме того, «малая война» на русско-шведских рубежах имела глубокие исторические корни, напрямую связанные с приграничными конфликтами [15: 8–38, 539–642].

После нападения на погост Салми пришло распоряжение об укреплении края от имени генерал-губернатора Отто Веллинга и коменданта Кексгольма подполковника Франца Эвальда Фока. В январе 1701 года фогт северного уезда Кексгольмского лена Эрик Андресин установил зимние караулы в погостах Салми и Суоярви, в охране границы должны были участвовать в первую очередь должностные лица. Шведская администрация края ожидала рейды противника именно в зимнее время. Майор Арвид Юлленлуд обратился в декабре 1701 года в окружные суды Салми, Сортавала и Суйстамо с заявлением, что погост Салми остается без должной защиты регулярной армии. В кавалерии не хватало лошадей, солдаты пехоты во множестве болели, а поля и деревни остались без крестьян [23: 124].

Еще в октябре 1702 года генерал А. Крониорт отправил на патрулирование пограничных погостов дублированный кавалерийский батальон Нюландского и Тавастхуского ленов полковника А. Е. Рамсяя. Снабжение полка легло на плечи бюргеров Сортавала, понесших значительные убытки от рейдов русской армии и капитуляции Нотебурга, где стояли их лодки с товарами [24: 247–248]. Уехавший из Салми в Сортавала крестьянин Хейкки Вайттинен в июне 1702 года обратился в суд с жалобой на капитана Соломона Энберга, поскольку его люди насильно забрали в свою роту его сына. В обезлюдевшем крае шведские офицеры рассматривали безземельных крестьян и бродяг в качестве основного источника рекрутирования новобранцев [23: 124].

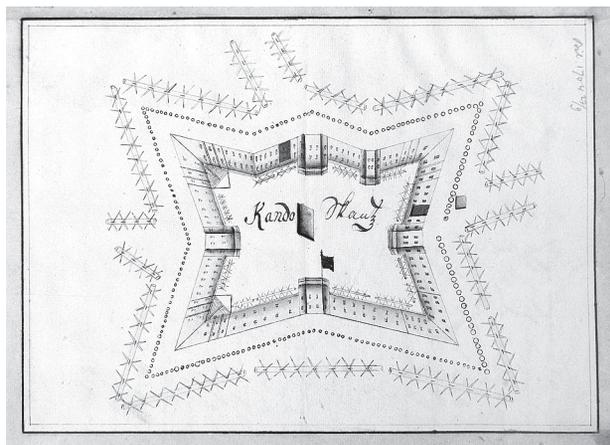
В ходе приграничного рейда гарнизона Тулоземской заставы в шведский погост Иломантси в июне 1703 года солдаты и стрельцы увели из-за рубежа «коров больших и малых с 50... и тем питались и роздали меж себя»⁸. Показательна судьба приведенных из-за рубежа «шведских выходцев». По распоряжению А. Д. Меншикова их направили в Семеновскую приказную палату.

В списке пленников встречаются «кореляны в православной христианской веру крещены» – 5 человек, солдат – 2 человека, латышей⁹ – 13 человек (у которых были имена и фамилии греческого происхождения, то есть православные)¹⁰. Православные карелы, воспринимавшиеся в России в XVII веке как «единоверцы», оказавшиеся под властью протестантского короля, с началом Северной войны стали все чаще восприниматься офицерами русской армии уже как военный трофей.

Знаменитому походу П. М. Апраксина под Сортавала в 1705 году предшествовал малоизвестный в отечественной историографии эпизод «малой войны». Летом 1704 года шведское командование приняло решение совершить поход на Олонец, откуда через границу регулярно ходили малые отряды для разорения деревень [24: 289]. На Кондушской заставе находился гарнизон из стрельцов¹¹ и олонецких солдат, которые должны были меняться поротно [13: 23]. 15 сентября 1704 года пограничная Кондушская застава подверглась нападению шведов¹². Присланный из Выборга кавалерийский отряд ротмистра Якоба Даниэльсона был усилен ополченцами [23: 124]. По словам шведского ротмистра, отряд неожиданно наткнулся на русский шанец. Крепость состояла из

двойных деревянных стен, засыпанных землей, а также 5 бастионов, 4 башен и двух рядов бойниц, а также снаружи и наверху поставлены испанские рогатки¹³.

Шанец оборонял гарнизон в 700 человек с артиллерией, численность же атакующих составляла 600 человек¹⁴.

План «Кондушского шанца» из приложения к письму генерала Г. Майделя, отправленному из Выборга в Оборонительную комиссию 27 сентября 1704 г. Riksarkivet, Defensionskommissionen vol. 121. Фотография: Хокан Хенрикссон

По словам шведского ротмистра, при выходе его отряда к шанцу он был «... так поражен этим, поэтому вынужден был поджечь шанец». Атака длилась порядка трех часов. Подойдя к стенам

шанца, шведы начали стрелять через бойницы внутрь. Стрельба из мушкетов спровоцировала пожар внутри крепости, что способствовало атаке. В результате пожара Кондушский шанец выгорел полностью. В огне погибла большая часть защитников крепости. Оставшиеся в живых солдаты вместе с комендантом вышли из шанца и бежали в лес, из них примерно 70 человек были перебиты, в том числе комендант. Шведы все же захватили пленных, поскольку из подземелья крепости выбралось около 50 человек¹⁵. Добычей шведов стало обгоревшее и оплавившееся железо, несколько тысяч ядер, гранаты, кугели¹⁶ и прочее. Ротмистр забрал с собой несколько орудий¹⁷, два знамени, а также часть скота. Шведы потеряли убитыми несколько человек, были ранены один капитан, 2 лейтенанта, 3 унтер-офицера и некоторое количество солдат¹⁸. Успешная операция стала неожиданностью для шведов. Примечательно, что Петр I посетил Олонецкую верфь через неделю¹⁹ после шведской атаки на Кондушскую заставу²⁰ [3: 116]. В ответ на шведский рейд русское командование приняло решение о ведении «малой войны» в Карелии зимой 1705 года. В ноябре 1704 года из Нарвы было отправлено следующее распоряжение дьяку Олонецкой верфи²¹ Ивану Степановичу Топильскому:

Каруул, который оставлен для починки к речке... а на карауле стоят солдаты Шневенцева полку, и как П. М. Апраксин с полками придет на Сермакс²², пошли к нему письмо, чтобы солдат Шневенца с караулу свесть²³.

В то же время генерал Г. Майдель отправил в Сортавала на «зимние квартиры» по 400 человек²⁴ от рейтарского Тизенгаузенова и Ингерманландского драгунского полков [12: 46–47].

Отряд П. М. Апраксина направился из Нарвы к Олонецкой верфи в первую очередь для обороны русских рубежей. В то же время окольным путем воеводе предписывалось идти через Кондушскую заставу к шведской Сердобольской заставе²⁵ «и велено над неприятелем те же промыслы чинить». В задачи администрации Олонецкого уезда входил сбор тысячи подвод для полков ладожского воеводы, а до их прихода из Нарвы корабельную верфь охраняли солдаты Шневенцова полка²⁶. Кроме отряда П. М. Апраксина на Олонец были отправлены Д. Бахметьев с казаками, а из Архангельска прибыл полковник А. Буковский с Гайдуцким полком²⁷. В задачу полка численностью 609 человек входила охрана края от встречных рейдов противника в течение зимы²⁸. Точная численность отряда П. М. Апраксина неизвестна, а дошедшие до нас источники противоречивы. После возвращения из похода П. М. Апраксин в письме А. Д. Меншикову упомянул о численности своего отряда «солдат в 1300, конных в 700, всего в 2000 человек»²⁹. В «Журнале шведских служб», предоставленном П. М. Апраксиным кабинет-секретарю А. В. Макарову в 1720 году, упоминаются 5 пехотных полков и 2000 каза-

ков³⁰. На основе «офицерских сказок» можно утверждать, что в походе участвовали солдаты пехотных полков И. Я. Бильса (около 496 чел.) [9: Т. 1, 1108, 1116–1117, 2178]³¹, Т. И. Трейдена (около 300 чел.) [9: Т. 1, 901]³² и П. М. Апраксина (около 380 чел.) [7: 179–183], [9: Т. I–II, 14, 1111, 1118, 1577–1578, 1581, 1588]³³.

Отряд П. М. Апраксина вышел из Сермаксы 12 января, двигаясь в условиях холодной зимы по ледовой прибрежной дороге вдоль погостов Салми и Импилахти, и появился в окрестностях Сортавала 27 января³⁴ [24: 289]. Это был далеко не первый «ледовый поход» русской армии в первые годы Северной войны – аналогичный рейд совершил А. Д. Меншиков по южному берегу Ладоги в марте 1703 года. В посаде стояли два кавалерийских полка (часть рот подъехала к посаду из окрестных мест). Шведская кавалерия узнала о приходе русской армии только от ближних караулов, «как пришли после полудня»³⁵. На следующее утро два шведских полка выстроились на льду Ладожского озера. По словам шведских пленников, во время баталии погибли драгунский капитан и корнет³⁶. В ходе стычки и бегства шведы потеряли до 300 человек убитыми и около 50 пленными:

Взяли в плен самых добрых немецких убранных того ж Тизенгаузенова полку унтер-офицеров и рейтар, и Велингова 50 человек и вышние офицеры... и урядников взято много³⁷ [12: 46–47].

Шведские драгуны и рейтары были «сбиты с поля» в первую очередь из-за малочисленности отряда. Кроме того, всю зиму они испытывали недостаток «хлебного жалования», и лошадьми были обеспечены далеко не все всадники, поэтому были вынуждены выйти на лед пешими³⁸.

В ходе рейда русской армии досталась богатая добыча – 2000 человек гражданского населения, в русском плену также оказался пастор Андреас Ахокиус [26: 59], а также «хлеба и скота было многия тысячи, и столько имали, сколько кто хотел»³⁹. В «Ведомостях» указывалось количество уведенного скота: «На станцию 4000 коров и быков пригнали». В общей сложности в Сортавала и окрестностях отряд П. М. Апраксина простоял трое суток⁴⁰. По возвращении из похода майор Трейденова полка И. М. Тургенев конвоировал пленников в Москву [9: Т. 1, 901]. Пока основной отряд П. М. Апраксина стоял в Сортавала, «отводные караулы» кавалерии были направлены к Кексгольмской и Нюшлоттской крепостям и «верст по сороку и больше... жилищи неприятельские разорили». На дороге к Кексгольму русская партия «за 30 верст от Сердоболя» столкнулась с ротой шведской кавалерии численностью 100 человек во главе с ротмистром, направлявшейся в Сортавала для смены караула. Шведы не стали вступать в бой и ушли обратно к Кексгольму⁴¹ [12: 46]. Согласно данным Р. Ранга, разорению подверглись прихо-

ды Пялькярви⁴² и Китез⁴³ [24: 289]. После ухода отряда П. М. Апраксина из Кексгольмского лена 29 января 1705 года на русско-шведской границе был оставлен Дмитрий Бахметьев с низовой⁴⁴ кавалерией⁴⁵.

Во время походов «малой войны» вглубь шведского тыла местное население однозначно воспринималось русской армией как враждебное. Рейд Апраксина застал местных жителей врасплох. Те, кто не успел бежать, были убиты или захвачены в плен. Из-за страха перед новыми набегами люди не спешили возвращаться в свои дома, последние из беженцев вернулись лишь осенью 1706 года. Городской совет Сортавала не собирався вплоть до сентября, а заседание надворного суда состоялось лишь в следующем месяце. Согласно постановлению суда,

после того как 28 января 1705 года население города и бюргеры подверглись атаке врага – часть были убиты, многие ранены, а многих увели в плен, а остальные потеряли свои скудные пожитки, жизнь в этом разоренном городе, как прежде, вряд ли возможна.

Паника среди жителей приходов Кексгольмского лена сохранялась на протяжении всего 1705 года, имущество увозили вглубь страны либо закапывали в землю [24: 289].

В 1706 году основные боевые действия разворачивались в Ингерманландии и на Карельском перешейке. Военное разорение вновь затронуло Северное Приладожье летом 1707 года. В августе отряд И. Ф. Боциса вышел в Ладожское озеро на пяти бригантинах для ведения «малой войны» в Северном Приладожье. Первоначально русская флотилия высадила десант в Рииска⁴⁶, разорив прибрежные деревни. С попутным ветром, миная Кексгольм, суда дошли до прихода Хийтола. Залпы артиллерии Кексгольмской крепости и сигнальные костры предупреждали население об опасности, благодаря чему многие успели покинуть свои дома. Русский десант в течение нескольких дней разорил дворы на острове Кильпола. Отряд И. Ф. Боциса вернулся из похода 30 августа с 90 пленными. В приходской книге Хийтола за 1707 год была отмечена необычайно высокая смертность населения – 215 человек, «некоторые из которых убиты врагом», в то время как в 1706 году умерли 77 человек [17: 163]. В письме Карлу XII генерал Георг Любекер сообщал о нападении русской флотилии на побережье Кексгольмского лена, однако обнадеживал короля тем, что флот вернулся к Санкт-Петербургу, и «больше нет причин для тревог»⁴⁷ [24: 315]. Судя по челобитной офицеров Шмидтова полка, солдаты этого подразделения принимали участие в том рейде⁴⁸.

Русские суда вновь показались в ладожских шхерах летом следующего года. После майского похода русской флотилии И. Ф. Боциса к Борго (Порвоо) шведский флот блокировал Кроншлот [3: 278–279]. На тот момент у Балтийско-

го флота не было возможности вести активную летнюю кампанию на Балтике, поэтому генерал-адмирал Ф. М. Апраксин распорядился снарядить корабли для «промысла» на Ладожском побережье. Речную флотилию возглавил морской поручик М. Фальк⁴⁹. В ладожских шхерах, неподалеку от Сортавала, высадились русские солдаты и сожгли 8 деревень, а также 20 судов, использовавшихся для транспортировки хлеба. По словам местных жителей, «мызник тех деревень за восемь дней до приезда (русской флотилии) из Сортавала в Кексгольм на трех груженых судах с хлебом отъехал». Солдатам досталось в качестве трофея такое количество скота, что не помещалось на кораблях⁵⁰. Чтобы забрать из шведских земель скот, поручик М. Фальк по возвращении в Шлиссельбург 10 июня 1708 года предложил Ф. М. Апраксину снарядить новый рейд из «1 или 2 шмаков и 2 или 3 бригадин, на которых было 200 или 300 человек»⁵¹. Уведенные в плен крестьяне сообщили на допросе в Петербурге о социально-экономическом положении в крае. Крестьянские дворы и мызы, разоренные прежними походами, «стрельцами которые на Кондуше караул имеют», были отстроены заново. Из опасений новых русских рейдов мызники селились от озера «в гору за 20 и за 30 верст», а когда в июле созрел урожай, крестьяне собирали его под караулом из солдат, «которых селят по домам и по деревням и употребляют для помощи нужд своих»⁵². Всего в плен попали 24 крестьянина, которые подробно рассказали о шведских войсках. Зимой в крае были расквартированы только 6 рот шведской кавалерии: «за 20 верст от Кексгольма по мызничным домам и по причинным местам и деревням на берегах стоят». Некоторые крестьяне зимой отвозили в Кексгольм бревна для постройки нового бастиона в крепости⁵³.

В ходе рейдов по Северному Приладожью в 1707–1708 годах было разорено большое количество крестьянских дворов, а многие жители деревень уведены в плен. Наиболее ценным «языком» из православных карел оказался лоцман Карп Тимофеев, который родился и вырос в семье крестьянина «за полковником Павлом Томасовым», в деревне Лапинлахти Кексгольмского лена. По словам К. Тимофеева, полковник «всякие ево пожитки и скотину взял себе, для того, что он, Карп, не ушел бы в Русь». Несмотря на это, карел с женою в 1707 году «перед Троицыным днем» ушел в Олонец, где его определили в лоцманы на шняву «Осташков». Лоцман уверял русских офицеров, что жители Кексгольмского лена «все желают, чтоб Бог поручил той Корельску (Кексгольм. – А. М.) Великому Государю», поскольку шведская администрация облагала жителей края разорительными налогами и сборами. В результате такой политики крестьяне

хлебом оскудали, только солому и сосновую корку и мешают те понемногу муки и многие уездные люди от голоду померли⁵⁴.

Финский историк Р. Ранта проанализировал уездные налоговые переписи, проводившиеся в Выборгском и Кексгольмском ленах в 1700 и 1708 годах. На основе результатов исследования была составлена карта-схема. Результаты переписи 1708 года показали, что больше половины дворов в погостах Северного Приладожья были учтены как нежилые, что может свидетельствовать о массовой миграции населения и дезорганизации шведских приходских органов управления [24: 317], [25: 23].

Зимой 1708–1709 года был совершен ряд рейдов в Олонецкую и Беломорскую Карелию. Согласно отписке воеводы П. Голицына в Ижорскую канцелярию с Северной Двины, в ноябре 1708 года шведский отряд численностью 400 человек кавалерии и пехоты вторгся на русскую территорию. Карельские крестьяне в своих «сказках» сообщали о разорении края шведским отрядом в Ребольском погосте:

...в Лендерской четверти⁵⁵ пять деревень, Лендерскую... Кимоварскую⁵⁶ таможно, да Амогубу⁵⁷, в которых было 50 дворов, пожгли, и ту деревню жителей посекли, а иные разбежали.

Крестьяне предупреждали местную администрацию, что шведы собираются идти на Лопские погосты, на Кемь и на Сумской острог. Один из русских карел ходил на шведскую территорию и слышал от местных крестьян: «В Кутме⁵⁸ на волоке учат шведов с ружьем 300 человек, а куды им отпуск будет не знает». Коменданту А. Чоглокову и вице-коменданту Д. Чоглокову в Олонец был отправлен указ

жить с осторожностью и о их замысле разведывать, и где вьются близ Олонца, и разорение не допустить⁵⁹.

По мнению Р. Ранта, благодаря вмешательству генерала Г. Любекера зимой 1709 года были организованы отряды в Саволаксе и Карелии, которые проникли и в Олонецкий край. Пройдя по побережью Ладоги до Салми, одна часть отряда направилась на север, другая – на северо-восток [24: 326–328]. Шведский рейд в феврале 1709 года дошел до Олонца, Петровского железодельного и Кончезерского меднолитейного заводов, которые были отбиты олонецкими солдатами и армейскими полками. В ответ на шведские вторжения Чоглоков снарядил рейд в шведское приграничье⁶⁰. Шведский отряд в 2000 человек вновь направился на Олонецкие заводы, но по пути встретился с русским отрядом. Шведы повернули к Суоярви, и в местечке Кайпаанкюля⁶¹ произошла стычка с другим русским отрядом. Карельские партизаны отбили у шведов лошадей, поэтому отряд продолжил бегство до Толваярви пешком. Преследование шведов закончилось только в волости Иломанси, которую преследо-

ватели основательно разорили [24: 328]. Согласно русскому источнику, за время похода «людей за рубежом побито 497 человек». Среди пленных оказались писарь и три драгуна, которые участвовали в походе на Петербург в 1708 году⁶². На Олонецкой верфи в 1709 году стояли несколько рот олонечских солдат и рота батальона майора Савенкова – 97 человек⁶³. Для несения караульной службы из Санкт-Петербурга на Олонецкую верфь была отправлена рота батальона М. Домагачского численностью 99 человек⁶⁴.

В 1710 году в ходе осад крепостей Выборг и Кексгольм русская армия установила контроль над Карельским перешейком. 8 сентября 1710 года были подписаны «аккордные пункты» о сдаче Кексгольма⁶⁵, после чего работа шведских административных органов была прекращена как в городе, так и в занятой русской армией провинции. Населению лена было объявлено, что обыватели могут оставаться при своих домах и сохранить прежнюю веру и права. Жители завоеванного края, в свою очередь, должны были присягнуть на верность царю, а все приходы обязаны были предоставить новой военной администрации в Кексгольме списки прихожан [20: 216–219], [23: 126]. До заключения Ништадтского мирного договора Северное Приладожье управлялось Выборгской военной «комендатурой» [11: 22–27], [20: 72, 339–343]. Шведские чиновники и высшие слои общества предпочли уйти на шведскую сторону, крестьяне же – остаться при своих домах.

Таким образом, к началу открытия военных действий осенью 1700 года в Кексгольмском лене Шведского королевства наблюдалось обострение

религиозного и идеологического конфликта между лютеранским и православным населением, которое вылилось в массовую миграцию и опустошение края. Бежавшее в Россию население, несомненно, являлось для русского командования основным источником информации о происшедшем за границей. В то же время многие православные священники и крестьяне становились жертвами необоснованной агрессии со стороны соотечественников-лютеран. Первые годы войны местное финско-шведское ополчение обеспечивало охрану приграничных уездов, лишь с 1702 года регулярные силы шведской армии начали контролировать регион. Второстепенные акции русской армии в ходе так называемой «малой войны» обеспечивали сбор сведений о неприятеле и позволили обезопасить строившийся Санкт-Петербург, верфи на побережье Ладоги и Олонецкие Петровские заводы. В то же время безжалостное разорение шведских уездов в ходе регулярных рейдов русской армии вызывало неприязненные отношения лютеранского населения, хотя и православное население края в равной степени страдало от партизанских акций. Тем не менее после взятия Выборга и Кексгольма в 1710 году большая часть местных жителей предпочла остаться в своих домах под властью России.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность шведскому историку Хокану Хенрикссону (Håkan Henriksson), любезно предоставившему фотографию Кондушского шанца, сделанную им при работе с документами Военного архива Швеции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Lindeqvist K. O. Suomen oloista ison vihan aikana: akatemiallinen väitöskirja. Helsingissä, 1886. S. 3–4.
- ² Мюллер Р. Б. Карельская деревня в XVII веке: Сб. документов. Петрозаводск, 1941. С. 310–311, 313–314.
- ³ Кроноборг – совр. пос. Куркиеки Лахденпохского р-на Республики Карелия (РК).
- ⁴ Стоит учитывать, что некоторые православные жители переходили в лютеранское вероисповедание в целях получения налоговых послаблений. Кроме того, исследовательница М. И. Петрова отметила в своей статье, что Т. Иммонен использовал условное деление на православных и лютеран, опираясь на написание имен.
- ⁵ Мансила – Питкярантский р-н РК.
- ⁶ Мийнала – Питкярантский р-н РК.
- ⁷ Ведомости московские. Москва. 2 января 1703 года. Л. 3 // Электронный фонд Российской национальной библиотеки (РНБ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://leb.nlr.ru/fullpage/2958/Ведомости> (дата обращения 29.11.2018).
- ⁸ О нападении на Тулоземскую заставу, 1703–1706 года // Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 177. Оп. 1. Д. 90. Л. 175.
- ⁹ Латыши – финно-угорское население лютеранского вероисповедания. В некоторых северо-западных говорах латышом называли неразборчиво говорящего человека.
- ¹⁰ «Кореляны»: Роман Михайлов сын Ничесов, Михайло Федоров, Петр Васильев, Никита Ермолин, Яков Власьев. Солдаты: Яков Нилихов, Матвей Нилихов. «Латыши»: Иоганн Пянниев, Алексей Павлов, Мелентей Геикин, Яков Юганов, Юган Симонов, Питер Мартиев, Генка Генкин, Юрья Миккоев, Юган Ганнов, Юрья Копошев, Антип Мартиев, Юган Ослаков, Антип Мартиев (РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 90. Л. 230).
- ¹¹ Жилой стрелецкий полк полковника Ильи Яковлева. В 1701–1706 годах нес гарнизонную службу в Олонце.
- ¹² Походный журнал 1704 года. СПб., 1911. С. 4.
- ¹³ Письмо Г. Майделя в Оборонительную комиссию от 26 сентября 1704 года // Koskinen Y. Lähteitä ison vihan historiaan. Handlingar till upplysande af Finlands öden under det Stora nordiska kriget. Vol. I. Helsingfors, 1865. S. 103–104.
- ¹⁴ Бутурлин Д. П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. Ч. 1. Т. I. СПб., 1819. С. 336–337.
- ¹⁵ Koskinen Y. Lähteitä ison vihan historiaan. S. 103–104.
- ¹⁶ Кугель – пустотелое чугунное ядро с отверстиями, начиненное зажигательным составом.

- ¹⁷ По данным Г. Адлерфельта, шведы загвоздили 15 пушек, найденные ими в крепости. Adlerfeld G. The Military History of Charles XII, King of Sweden. Vol. II. London, 1740. P. 105.
- ¹⁸ Koskinen Y. Lähteitä ison vihan historiaan. S. 103–104.
- ¹⁹ Согласно Походному журналу 1704 года – 21 сентября.
- ²⁰ Походный журнал 1704 года. С. 6.
- ²¹ В тексте письмо адресовано «Ивану Степановичу», вероятно, имеется в виду дьяк при Олонецкой верфи Иван Степанович Топильский // Информационная полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века» / Сост. А. В. Захаров [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=8125 (дата обращения 29.11.2018).
- ²² Сермакс – д. Сермакса Лодейнопольского р-на Ленинградской обл.
- ²³ РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 34. Л. 219об.
- ²⁴ В статье М. В. Пулькина указана суммарная численность двух полков 600 человек.
- ²⁵ Сердоболь – совр. г. Соргавала РК.
- ²⁶ РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 34. Л. 219 об.
- ²⁷ РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1 Д. 34. Л. 219 об.–220.
- ²⁸ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 456. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–2об.
- ²⁹ Архив С.-Петербургского института истории (СПБИИ) РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 533. Л. 1.
- ³⁰ Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной Войне. Вып. 1. Кн. 3. СПб., 1912. С. 33–36.
- ³¹ О походе вспоминали поручик И. С. Болобанов, солдаты А. В. Ярославцев и Ф. В. Титов.
- ³² О походе вспоминал майор И. М. Тургенев.
- ³³ О походе вспоминали капитан Н. Шипов, ротный писарь Д. Наумов, каптенармус Я. К. Халевин, солдаты Р. Д. Юдин, Г. М. Пролубщиков и В. М. Перевалов.
- ³⁴ В письмах, адресованных А. Д. Меншикову, дата прихода отряда к Соргавала – 27 января, в «Журнале шведских служб... 1700–1706 годов» – 21 января. Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра. С. 35.
- ³⁵ Ведомости. Москва. 16 февраля 1703. Л. 1 // Электронный фонд РНБ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://leb.nlr.ru/fullpage/2958/Ведомости> (дата обращения 29.11.2018).
- ³⁶ Архив СПБИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 534. Л. 2об.
- ³⁷ Попали в плен: фелтфобель – 1, сержантов – 2, капралов 4, рейтар – 20, драгун – 17, солдат – 5, мызник – 1; пастор с женою, мастер разных языков с женою. Архив СПБИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 533, 534, 536.
- ³⁸ Архив СПБИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 534. Л. 4.
- ³⁹ Там же. Л. 1.
- ⁴⁰ Ведомости. Москва. 16 февраля 1703. Л. 1 // Электронный фонд РНБ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://leb.nlr.ru/fullpage/2958/Ведомости> (дата обращения 29.11.2018).
- ⁴¹ Архив СПБИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 534. Л. 2об; Частично процитировано в статье М. В. Пулькина.
- ⁴² Пялькъярви – совр. пос. Пуйккола Соргавальского р-на РК; Китез – город на юго-востоке Финляндии.
- ⁴³ Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра. С. 35.
- ⁴⁴ Низовой – поволжский.
- ⁴⁵ Архив СПБИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 533. Л. 1–2об.
- ⁴⁶ Риска – совр. пос. Заостровье Приозерского р-на Ленинградской обл.
- ⁴⁷ Adlerfeld G. The Military History of Charles XII. P. 118; Бородин М. М. История Финляндии. Время Петра Великого. СПб., 1910. С. 81.
- ⁴⁸ В своих сказках о походе упомянули майор Иван Микишин «...с шаутенбенахтом в разных походах», поручик «иноземец новокрещенный» Алексей Валмасов: «...был с Боцисом в море и Ладожском озере, на островах», прапорщик Федот Макшиев: «... в 707 году с Шаутбейнахтом на Ладожском озере». РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 28. Л. 402–403.
- ⁴⁹ Поручик Фальк – Матиас Фалькенбург. РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 134. Л. 7.
- ⁵⁰ Там же. Л. 7–7об.
- ⁵¹ РГАВМФ. Ф. 176. Оп.1. Д. 134. Л. 7об.
- ⁵² Там же. Л. 7–7об.
- ⁵³ Там же. Л. 8–11.
- ⁵⁴ Там же. Л. 8–11; Д. 21. Л. 17–18.
- ⁵⁵ Лендера – поселок в Муезерском р-не РК.
- ⁵⁶ Кимоваара – поселок в Муезерском р-не РК.
- ⁵⁷ Вероятно, побережье озера Аймозеро.
- ⁵⁸ Вероятно, имелось в виду селение Кухмо на северо-востоке современной Финляндии.
- ⁵⁹ Архив СПБИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2962. Л. 1–1об.
- ⁶⁰ Там же. Д. 3031. Л. 1–1об.; Оп. 2. Д. 1. Книга копий № 6. Л. 150–150об.
- ⁶¹ Кайпаанкюля – совр. северная часть города Суоярви РК.
- ⁶² Архив СПБИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1 Д. 3031. Л. 1–1об.; Оп. 2. Книга копий № 6. Л. 150–150об.
- ⁶³ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1 Д. 37. Л. 125.
- ⁶⁴ Там же. Л. 309.
- ⁶⁵ Книга Марсова или Воинских дел. СПб., 1766. С. 94–95; Journal uppå det som är Passerad weed Kiexholms Belägring åhr 1710 // Karolinska Krigares Dagböcker jämte andra samtida skrifter. Lund, 1916. S. 146.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беспятых Ю. Н. Борьба крестьянства Восточной Финляндии в конце XVII в. // Вопросы политической истории СССР: Сборник статей аспирантов и соискателей Ин-та истории СССР. М.; Л., 1977. С. 150–155.
- Беспятых Ю. Н., Коваленко Г. М. Карелия при Петре I. Петрозаводск, 1988. 143 с.
- Гистория Свейской войны / Сост. Т. С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. 631 с.

4. Данков М. Ю. Зона Ингерманландского противостояния (О малоизвестной атаке шведского города Sordawall в 1705 году) // Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. Ч. II. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 235–253.
5. Жуков А. Ю. Система расселения и административно-территориального деления Приладожской Карелии (XII–XVIII века) // Труды КарНЦ РАН. 2011. № 6. С. 72–79.
6. Иванюк С. А. Малая война в стратегии и тактике русской армии на первом этапе Северной войны (осень 1700 – лето 1709 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2014. 395 с.
7. Мегорский Б. В. Реванш Петра Великого. Взятие Нарвы и Ивангорода русскими войсками в 1704 году. М., 2016. 203 с.
8. Мельнов А. В. Климат и военные действия на Северо-Западе в начале Северной войны (1700–1710) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 3 (148). Т. I. С. 29–34.
9. Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия: Сборник документов: В 2 т. / Сост. К. В. Татарников. М., 2015. 2754 с.
10. Петрова М. И. Демография Кирижского погоста в период шведского завоевания в XVI–XVII вв. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 5 (174). С. 80–90.
11. Проскурякова М. Е. «Из определенных к Остзею»: гарнизоны крепостей Выборга и Кексгольма в первой половине XVIII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 179 с.
12. Пулькин М. В. Карелия в русско-шведских войнах XVIII в. // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы: Материалы шестой ежегодной научной конференции (14–16 апреля 2004 г.). СПб., 2005. С. 43–53.
13. Рабинович М. Д. Полки петровской армии 1698–1725: Краткий справочник. М.: Сов. Россия, 1977. 112 с.
14. Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы: Сборник документов. Т. I. (1700–1709 гг.) / Под ред. Л. Г. Бескровного, Г. А. Куманева. М.: Объединенная редакция МВД РФ Кучково поле, 2009. 527 с.
15. Селин А. А. Русско-шведская граница (1617–1700): формирование, функционирование, наследие: исторические очерки. СПб., 2014. 431 с.
16. Henriksson H. Ukrainian Cossacks and other prisoners of war in Sweden during the Great Northern War (1700–1721) // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 16. К.: Інститут історії України НАНУ, 2016. С. 247–262.
17. Immonen T. Kurkijoen seutu Ruotsin vallan aikana vv. 1570–1710 // Kurkijoen kihlakunnan historia. Vol. II. Helsinki, 1958. 366 s.
18. Jutikkala E. The Great Finnish Famine in 1696–1697 // The Scandinavian Economic History Review. 1955. P. 47–63.
19. Karjala A. Karjalan vaiheet / Toimittaja M. Haapio, Y. Mäkinen. Hämeenlinna: Karisto, 1983. 463 s.
20. Käkisalmen historia: Käkisalmen kaupungin ja maalaiskunnan vaihteita / E. Kuujo, E. Puramo, J. Sarkanen. Lahti: Käki-säätiö, 1958. 985 s.
21. Melnov A. “Väikese jääaja” mõju Ingeri- ja Liivimaa sõjaväijadele Põhjasõja aastatel 1700–1704 // Piir ja Jogi – Piirijogi. Uurimusi Narva piirkonna ajaloo kohta. Narva museum toimetised 15. Narva, 2014. S. 123–128.
22. Muroma S. Suurten kuolovuosien (1696–1697) väestönmenetys Suomessa. Helsinki, 1991. 306 s.
23. Rajoil da randamil: Salmi ja salmilaiset 1617–1948 / Toim. J. Kokkonen. Kuopio: Salmi Säätiö, 2015. 655 s.
24. Ranta R. Kaakkois-Suomi sodan varjossa 1700–1709 // Historiallinen arkisto. Vol. 90. Helsinki, 1987. 127 s.
25. Ranta R. Viipurin komendanttikunta 1710–1721. Helsinki, 1987. 479 s.
26. Sortavalan kaupungin historia / E. Kuujo, J. Tiainen, E. Karttunen. Helsinki: Sortavalaisten seura, 1970. 485 s.

Melnov A. V., Vyborg State Museum (Vyborg, Russian Federation)

THE GREAT NORTHERN WAR IN LADOGA KARELIA (1700–1710): WAR AND LOCAL POPULATION

The goal of the article is to study the relationship between local population and the Swedish and Russian armies in Ladoga Karelia during the Great Northern War (1700–1710). The novelty of the study is that it is based on the analysis of Russian, Finnish and Swedish historiography and uses microhistorical approach. Besides some descriptions of the less known episodes of military history, the article also considers the problematic relationship between the Swedish and Russian armies and local population of different religious denominations. Some campaigns of the Swedish army against the “Kondu sconce” in September 1704 as well as Pyotr Apraxin’s campaign in Sortavala in February 1705 are also analyzed here. The article provides a review of the sea raids of Russian fleet in 1707 and 1708 around the northern coast of Ladoga Lake. Mass migration and religious conflicts led to the desertedness of this area. This situation strongly influenced the Orthodox and Lutheran population of the region. Yet the majority of the local population continued to live in Kexholm län (county) after the transition of power to Russian military administration.

Key word: Great Northern War, Ladoga Karelia, Sortavala, Salmi, Kondu sconce, petty warfare, Karelia in the XVIII century

ACKNOWLEDGMENTS

The author would like to express his sincere gratitude to a Swedish historian Håkan Henriksson for sharing a “Kondu sconce” photograph, taken during his work in the Military Archives of Sweden.

REFERENCES

1. Bespyatyh Yu. N. Class struggle of Eastern Finland peasantry in the late XVII century. *Voprosy politicheskoy istorii SSSR: Sbornik statey aspirantov i soiskateley In-ta istorii SSSR*. Moscow, Leningrad, 1977. P. 150–155. (In Russ.)
2. Bespyatyh Yu. N., Kovalenko G. M. Karelia under Peter the Great. Petrozavodsk, 1988. 143 p. (In Russ.)
3. History of the Great Northern War. (T. S. Majkova, Comp.). Issue 1. Moscow, 2004. 631 p. (In Russ.)

4. Dankov M. Yu. Area of Ingermanlandian confrontation (a little-known attack on a Swedish town Sordawall in 1705). *Trudy Sed'moy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 18–20 maya 2016 goda*. Part II. St. Petersburg, 2016. P. 235–253. (In Russ.)
5. Zhukov A. Yu. The system of settlement and the administrative division of Ladoga Karelia between the XII and the XVIII centuries. *Trudy KarNTs RAN*. 2011. No 6. P. 72–79. (In Russ.)
6. Ivanyuk S. A. Petty warfare in the strategy and tactics of the Russian army during the first period of the Great Northern War (from the autumn of 1700 to the spring of 1709): Diss. Cand. Sci. (History). Volgograd, 2014. 395 p. (In Russ.)
7. Megorskiy B. V. The revanche of Peter the Great. Taking of Narva and Ivangorod by Russian troops in 1704. Moscow, 2016. 203 p. (In Russ.)
8. Mel'nov A. V. Northwestern climate and military hostilities during the early period of the Great Northern war (1700–1710). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2015. No 3 (148). Vol. I. P. 29–34. (In Russ.)
9. Officers' rolls of the first quarter of the XVIII century. Field army: Compendium of documents in 2 parts. (K. V. Tatarnikov, Comp.). Moscow, 2015. 2754 p. (In Russ.)
10. Petrova M. I. Demography of the Kiryazh Pogost during the Swedish invasion in the XVI and the XVII centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018. No 5 (174). P. 80–90. (In Russ.)
11. Proskuryakova M. E. "The assigned to the Ostsee": the garrisons of Vyborg and Kexholm fortresses in the first half of the XVIII century. Petrozavodsk, 2012. 179 p. (In Russ.)
12. Pul'kin M. V. Karelia during the Russian-Swedish wars of the XVIII century. *Sankt-Peterburg i Strany Severnoy Evropy: Materialy shestoy ezhegodnoy nauchnoy konferentsii (14–16 aprelya 2004 g.)*. St. Petersburg, 2005. P. 43–53. (In Russ.)
13. Rabinovich M. D. The regiments of Peter the Great's army between 1698 and 1725. Moscow, 1977. 112 p. (In Russ.)
14. The Great Northern War (1700–1721). Commemorating the 300th anniversary of the Poltava victory. Compendium of documents. Vol. I. (1700–1709). (L. G. Beskrovnoy, G. A. Kumaneva, Eds.). Moscow, 2009. 527 p. (In Russ.)
15. Selin A. A. The Russian-Swedish border (1617–1700): formation, functioning, heritage: historical essays. St. Petersburg, 2014. 431 p. (In Russ.)
16. Henriksson H. Ukrainian Cossacks and other prisoners of war in Sweden during the Great Northern War (1700–1721). *Україна в Центральній-Східній Європі*. Вип. 16. К., Інститут історії України НАНУ, 2016. С. 247–262.
17. Immonen T. Kurkijoen seutu Ruotsin vallan aikana vv. 1570–1710. *Kurkijoen kihlakunnan historia*. Vol. II. Helsinki, 1958. 366 p.
18. Jutikkala E. The Great Finnish Famine in 1696–1697. *The Scandinavian Economic History Review*. 1955. P. 47–63.
19. Karjala 4, Karjalan vaiheet. Toimittaja M. Haapio, Y. Mäkinen. Hämeenlinna, Karisto, 1983. 463 p.
20. Käkisalmen historia: Käkisalmen kaupungin ja maalaiskunnan vaihteita. E. Kuujo, E. Puramo, J. Sarkanen. Lahti, Käkisäntiö, 1958. 985 s.
21. Mel'nov A. "Väikese jääaja" mõju Ingeri- ja Liivimaa sõjavääljalede Põhjasõja aastatel 1700–1704. Piir ja Jogi – Piirijogi. Uurimusi Narva piirkonna ajaloost. Narva museum toimetised 15. Narva, 2014. P. 123–128.
22. Muroma S. Suurten kuolovuosien (1696–1697) väestömenetys Suomessa. Helsinki, 1991. 306 p.
23. Rajoil da randamil: Salmi ja salmilaiset 1617–1948. Toim. J. Kokkonen. Kuopio, Salmi Säntiö, 2015. 655 p.
24. Ranta R. Kaakkois-Suomi sodan varjossa 1700–1709. Historiallinen arkisto. Vol. 90. Helsinki, 1987. 127 p.
25. Ranta R. Viipurin komendanttikunta 1710–1721. Helsinki, 1987. 479 p.
26. Sortavalan kaupungin historia. E. Kuujo, J. Tiainen, E. Karttunen. Helsinki, Sortavalaisten seura, 1970. 485 p.

Поступила в редакцию 03.12.2018